

Сегодняшнее евангельское повествование в календаре обозначено как Неделя 6-ая по Пасхе, о слепом.

Нам для разговора существенно и нужно одно это слово – о слепом. О слепых. Мы же понимаем, что физически зрячий (не слепой) может быть слепым по своим идеям, своим взглядам, по своему мировоззрению. И целые народы, государства, ведомые «слепым» предводителем, становятся «слепыми». Пример – Болгария. Она перестала быть, какой была, и живя, условно говоря, по законам Евросоюза и НАТО, утратила свое лицо, свой суверенитет. Подобные истории можно продолжать, в том числе говоря и о событиях на Украине.

Государственную слепоту исправляют долго, может статься, что вообще не исправляют.

Сегодня можно слышать такую мысль-идею. Но прежде в скобках скажем: в нашей стране сложилась, осуществилась на деле «Киевская Русь», потом «царское самодержавие – империя», потом «Советская Россия» с коммунистическими идеями. Все это ушло в небытие, и сегодня призрак хаоса, кажется, закрывает горизонт.

Но вернемся к мысли, которую можно слышать сегодня. Она о том, что у нашей страны, России, у нас, у наших предводителей нет Идеи. В хаосе, подпитываемом скрытыми противобожественными силами, такое состояние для темных сил выгодно. А силам добрым, созидательным надо непременно противостоять и выискивать, вырабатывать и утверждать Идею, тем более что она некоторыми людьми давно выражена. Остается ее только скорректировать под наше время. Для этого нужны идейно сильные люди.

О хаосе здесь можно сделать некоторое отступление с печальными историческими картинками. Один из самых глубоких русских поэтов Тютчев в своих стихах выражает метафизически-космическую тему, и он же предвидит мировую революцию. За внешним покровом космоса он видит «шевелиющийся хаос». В своем замечательном стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной» он говорит: «О, бурь заснувших не буди: под ними хаос шевелится».

Тютчев предвидел грядущие катастрофы для России...

У многих русских поэтов было чувство, что Россия идет к катастрофам. Еще у Лермонтова, который выражал почти славянофильскую веру в будущее России, было это чувство. У него есть страшное стихотворение «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож...*

Сегодня мы, представители русской народности, забывшие национальную идею, которая, повторяюсь, у нас есть. Изложена. В словаре «Русская цивилизация» одна из статей так и называется – «Русская идея». Ее автор – русский мыслитель, философ, публицист и общественный деятель Иван Александрович Ильин (1882-1954). Он закончил юридический факультет Московского университета, где в 1918 стал профессором. В 1922 году был выслан из России. Жил в Берлине, где преподавал в Русском научном институте. В 1927-1930 гг. издавал «журнал волевой идеи» – «Русский колокол». После прихода к власти Гитлера был вынужден уехать из Германии и обосноваться в Швейцарии.

Вот статья «Русская идея» в моем сокращении.

РУССКАЯ ИДЕЯ, совокупность понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа.

Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия – во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. (...)

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды. Главное в жизни есть любовь, и именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически predisposed к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию и уверовала, что «Бог есть Любовь». (...)

Русское Православие воспринимает Бога любовью, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не ответственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцани-

ем. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. (...)

Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) есть явление сущей доброты. Духом сердечного и светостного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. (...)

Итак, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. (...)

Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на Западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице... (...)

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это созерцание призвано быть не только свободным, но и предметным. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуждания, а для органически-творческого самоформления, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного нахождения предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет. По-своему находило его сердце юродивого, по-своему – сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметно-видению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старообрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему же несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась Русская земля и облики коих художественно показал Н.С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и Отечеству. (...)

...Русский человек (...) духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божий дары история и природа – сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не исказить своего духовного лица... (...)

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый – у иудеев, свой особый – у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? Никто. А достоинства нам даны и заданы наши собственные. И когда мы сумеем преодолеть свои национальные недостатки, – совестью, молитвою, трудом и воспитанием, тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять. (...)

Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого

нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели. И все это выговаривается русской идеей. (...)

Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или, вернее, его духовных актов), может быть, и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создается, совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем – очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить «в кусочки», собирая на мнимую бедность. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи.

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не об оригинальности нашей, а о предметности нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русскую душу предметного служения. И в этом смысл русской идеи. (...)

Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выраживать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию)...

...Русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе и всегда быть своей совестью. Русское Православие должно чтить и охранять свободу веры – и своей, и чужой. (...) «К свободе призваны вы, братия», (Гал. 5: 13), и на этих основах оно должно выработать восточноправославную дисциплину воли и организации.

Русское искусство – призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. (...) Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке – и приспособляться к их вкусам и потребностям; им не подобает «учиться» у Запада – ни его упадочному модернизму, ни его

эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт; нет русского искусства без горящего сердца. (...)

Русский ученый призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Забелин, Лебедев, кн. Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений...

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым созерцанием – и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведущая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно слепая, она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его. (...)

России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели. Для того чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу как предметную цель права и государства и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти, с уважением и доверием. (...)

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились – к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, – мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом сердечного созерцания и предметной свободы. (...) Возможна ли русская семья без любви и совестного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? (...) А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия...

Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

Иван Ильин умер в 1954 году. Прошло почти 70 лет. «Русская идея» умерла?

Через семь лет после смерти Ильина Юрий Гагарин облетел земной шар. Ажиотаж был масштабный. Это укладывается в «русскую идею»? Может, и укладывается...

А в 1992-93 годах чуть не разразилась гражданская война. Распалась «Советская империя». Головы наши повредились... В настоящее время пандемия и война отрезвляют? Комфортная жизнь ускользает. Надо всем опомниться, прийти в себя. Церкви не напрасно восстанавливали и строили. Хочется надеяться, что не напрасно. Главное, чтобы в них был народ Божий.